

КРЫМ КРИМИНАЛ

Владимир Жуков

ЖЕНСКАЯ ИНТУИЦИЯ

книга девятая

18+

Владимир Александрович Жуков

Женская интуиция

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33396318

SelfPub; 2018

Аннотация

Пока супруги Черпаки отдыхали на берегу Азовского моря, из их городской квартиры был похищен сейф с валютой, драгоценностями и пистолетом ПМ. Благодаря женской интуиции следователю Ольге Озерской удалось раскрыть тайну кражи. Почему капкан для главаря банды Дюбеля оказался последним?

Содержание

1. Тревога и искушение	4
2. Ночная кража	28
3. Стресс и паника	44
4. Оригинальная версия	57
5. Тактика следствия	66
Конец ознакомительного фрагмента.	74

1. Тревога и искушение

Нежно-алые всполохи заката окрасили плес Азовского моря, заскользили до самой дымчато-лиловой линии горизонта, озарили паруса яхт, винд-серфингов, послушных легкому бризу.

– Пора, Мотя, и нам отдохнуть от суеты мирской, – произнесла, Ева Черпак, поднявшись из шезлонга и глядя вослед оставляющим песчаный пляж загорелым мужчинам и женщинам, бойким детишкам с яркими надувными кругами в форме затейливых игрушек. Коснулась тонкой изящной рукой плеча сидящего на коврике в позе йоги мужчины с короткой, серебристыми отблесками прической.

– Ты права, Евочка – золотая моя девочка. Всего должно быть в меру. Море, солнце и пляж тоже утомляют, если долго жариться под палящим солнцем, есть риск от ультрафиолетовых лучей получить меланому. Эта болезнь, как и саркома, очень опасная, – предупредил Матвей Елисеевич.

– Типун тебе на язык, еще беду накличешь, – перекрестившись, перебила его супруга. – Господи, сохрани и помилуй.

– Ох, Евочка – сладкая моя девочка, прости, язык без костей, вот меня и занесло. Ты, как всегда, права. Я от тебя, мое сокровище, без ума.

– Да, женщина всегда права-а . . ., – пропела она, подражая эстрадной певице Ирине Понаровской. – Заруби это, Мотя, у себя на горбатом носу.

– Будь, по-твоему, – не стал он возражать, ради спокойствия привыкший во всем соглашаться с женою, но все же напомнил. – Нос у меня не горбатый, а греческий. Однако, пора на базу, в свое теплое гнездышко. Дело к вечеру, уже многие лежебоки пошабашили, пляж почти опустел, время ужина и развлечений.

– Ты мне льстишь, называя девочкой, – усмехнулась женщина. – Очень приятно слышать ласковые слова, словно в первые дни наших свиданий. Чувствую, что ты настроен сегодня решительно, чтобы завоевать мое сердце. Мне нравится такая прелюдия любви, всегда готова исполнить твои прихоти.

Он не стал возражать, хотя мог бы припомнить не один факт, когда Ева проявляла строптивость. Ссылалась на недомогание, только бы увильнуть от исполнения супружеского долга. Матвей вынужден был усмирять свою плоть, сдерживать желания и страсти, требовавшие разрядки. Но зато был горд тем, что никто не мог назвать его ловеласом, ибо в отличие от других сексуально озабоченных мужчин, не ходил, как говорится, налево, не волочился за чужими юбками, а сохранял верность своей Евочке – золотой девочке.

– Поторопись, Мотя, я сгораю от нетерпения, – властно велела она, огладив ладонью талию и шоколадно загоревшие

икры стройных ног.

Он резво поднялся, смел с ног золотистый песок, тщательно встряхнул и свернул в рулон коврик.

Супруги Черпаки – пятидесятитрехлетний низкорослый и плотный, как мул, Матвей Елисеевич и тридцатилетняя очаровательная блондинка с миндалевыми глазами Ева Марковна, лишь двое суток назад, как прибыли на недельку в пансионат, чтобы покупаться в теплых водах Азова, которые в отличие от акватории Черного моря, быстрее прогреваются. Чаше бывают теплыми и нежными, как парное молоко.

Планировали развлечься в барах, ресторанах и казино, отдохнуть от серой повседневности и внести в свою жизнь яркие незабываемые впечатления, получить заряд бодрости и положительных эмоций, которых бы хватило на долгие и хмурые месяцы надвигающейся осени и холодной зимы.

Прибыли они на курорт не одни, а с породистым ротвейлером Баксом. Ева в нем души не чаяла, холила и баловала, иногда тем самым, вызывала вспышки ревности у супруга. Его просьба оставить пса дома, чтобы стерег квартиру и имущество, едва не закончилась скандалом и срывом поездки на море. Ева пустила горячую слезу и Матвей уступил. Впрочем, он и в других конфликтных ситуациях потакал неожиданным капризам своей импульсивно-темпераментной супруги.

– Бакс, ко мне, – велела Ева внимавшему ее словам псу и тот послушно последовал за хозяйкой. Матвей собрал сум-

ку с остатками провианта, сдал шезлонги в пункт проката пляжного инвентаря и они втроем возвратились в номер-люкс пансионата.

– Мотя-я, я очень и очень голодна, море меня возбудило, – едва переступив порог, заявила Ева с загадочным блеском в глазах и интригующей улыбкой на тонких губах.

– Голодна-а? – удивился Черпак. – Но не прошел и час, как мы с тобой плотно поужинали на берегу моря. Распили бутылку шампанского “Новый Свет”, закусили сыром, колбасой, фруктами, овощами, маслинами и киви... Какая ты ненасытная, однако?

– Мотя, какой же ты тугодум толстокожи без лирики и романтики, – упрекнула Ева и посетовала. – Наверное, первые признаки склероза или старческого маразма, дефицит романтики и фантазии. Если женщина признается, что она голодна, то это вовсе не означает, что она страдает чревоугодием. Есть ведь и другие физиологические потребности.

– У тебя слишком много разных потребностей, трудно угадать, – озадаченно потер ладонью узкий лоб и пожаловался. – Знаешь, Ева, что-то на душе беспокойно, кошки скребут. Дурное предчувствие. Надо бы в Керчь съездить, поглядеть все ли с нашей квартирой в порядке?

– Мг, квартира? У нее нет ног, никуда не сбежит, не денется. Ради квадратных метров готов оставить меня одну в сообществе чужих мужиков, которые на пляже не сводили с меня глаз? Они только и ждут твоего отъезда, чтобы под-

бить ко мне клинья и соблазнить или изнасиловать и опозорить на весь белый свет. Верь после этого присказке, что не перевелись еще рыцари без страха и упрека. Вымерли, как мамонты, остались лишь назойливые мужланы и нытики...

– Я к таковым не отношусь, очень тобой дорожу, – возразил Черпак.

– Не забывай, что Ева, не служанка, а королева, а ты – мой раб. Должен беспрекословно исполнять все мои приказы и капризы. Иначе доступ к знойному телу для тебя будет навсегда закрыт. Ты ведь не библейский Адам, вкусивший запретный плод.

– Евочка, ты не сможешь и суток прожить без ласки и нежности? – напомнил он о ее темпераменте и неумемной жажде сладострастия.

– На тебе свет клином не сошелся. Поклонники штабелями у моих стройных ног валяются.

– Успокойся, тебе ведь ничего и никто не посмеет угрожать, когда рядом такой волкодав, как Бакс, – заметил он. Пес, слышав кличку, поднял от паласа тяжелую, словно ядро, голову и поочередно обозрел своих сварливых хозяев.

– Поехали вместе, – предложил Матвей. – Дома переночуем, а утром возвратимся в пансионат?

– Я устала, разомлела на солнце, хочу испытать блаженство. Очнись, как ты смеешь, о чем-то другом думать в такие минуты. Я голодна, – женщина вплотную приблизилась к нему и страстно прошептала в оттопыренное ухо. – Или ты

меня окончательно разлюбил, используешь, как служанку?

– Ева, ты не права, не меряй всех мужчин на один аршин. Каждый человек уникален и неповторим, – возразил Черпак.

– Проснись, Мотя, не витай в облаках. Опустись на грешную землю. Перед тобой знойная, очаровательная, молодая жена, желающая удовлетворения. Сейчас или никогда!

Ева распахнула пляжный, белый с фиолетовыми мелкими цветочками сарафан, обнажив тугую грудь и, приподняв рукою его подбородок, пристально поглядела в глаза.

– Мотя, не считай меня дурочкой. Я знаю, почему ты неожиданно намылился в город

– Почему? Интересно узнать, какая версия родилась в твоей чудесной голове?

– Вместо того, чтобы отправиться на отдых в Сочи, Ялту или Анталию, ты заманил меня в эту дикую глушь, – начала она издалека. – Решил отлучить от квартиры, чтобы самому под предлогом тревоги за сохранность жилья и имущества, периодически на ночь уезжать в город, где ждет пылкая зазноба.

– Евочка, сладкая моя девочка, как такая нелепая версия могла придти в твою прелестную голову? – огорчился Черпак. – Наверное, ты на солнышке перегрелась. Кто тебе нашептал клевету в розовое ушко.

– От достоверного источника узнала.

– Может, тебе Тукай настучала?

Жена пропустила вопрос мимо ушей и сообщила:

– Регина со всеми мужиками, живущими в нашем доме, переспала. Не может быть такого, что ты остался белой вороной, точнее, вороном. Живо признавайся, сколько раз пользовался ее услугами? Ты, ведь, как тот кувшин, что зарекался по воду ходить.

– Ева, вот те крест, – Матвей неумело осенил себя. – У меня даже, намек нет на роман. Соседка Меженина не в моем вкусе.

– Когда гормоны бурлят и сперма давит на череп, то вкус не имеет значения, – авторитетно заявила Ева. – Мне однажды повариха, о которой говорят, что с лица воду не пить, рассказала о своих приключениях. Она, работая на камбузе, несколько раз ходила на траулере с рыбаками на промысел в Индийский океан. После нескольких недель плавания любая женщина на судне для изголодавшихся рыбаков выглядит красавицей. На берегу много красивых баб, а этой поварихе бог не дал ни красоты, ни изящной фигуры, как тумба. Она не пользовалась спросом, а очень хотелось создать семью, родить ребенка. К тридцати годам от роду рисковала остаться старой девой.

Бывалые рыбаки, морские волки посоветовали ей пойти в рейс, что она и сделала. Там, за тысячи миль от родных берегов, где нет очаровательных соперниц, она методом проб и ошибок, выбрала себе спутника жизни старшего помощника капитана, сокращенного, старпома. Если бы не поторопилась, то могла бы захомутать и женатого капитана, но реши-

ла. Не строить счастье на чужом горе. На судне, где на сотню мужиков всего две-три женщины, именно капитан и старпом имеют приоритет. Отмечают все попытки других членов экипажа претендовать по графику на благосклонность дам.

– Ева, к чему ты мне рассказываешь эту рыбацкую байку? – спросил Матвей.

– К тому, что если будешь мне постоянно перечить, нервировать, – она театрально закурила сигарету Пьер Карден с ментолом и, пуская кольца сиреневого дыма, заявила, – то я попрошусь на траулер в рейс на полгода, а возможно и больше.

– В качестве кого? У тебя нет ни медицинского, ни кулинарного образования. Кроме яичницы на сале и овсяной каши, ничего толком не умеешь готовить. Рыбаки отощают и спишут тебя на берег при первом заходе в порт.

Она призадумалась и тут же выдала на-гора:

– Не отощают, рыбы в трюмах навалом. А примут меня на борт за мою неземную красоту.

– Рыбакам на промысле некогда созерцать на красоту. Траулер – не театр, не эстрада. Там все вкальывают, как проклятые. Чем больше добудут рыбы, тем больше заработки и премии, – пояснил Черпак.

– Я тоже буду работать, не покладая рук, – разлепила Ева сочные губы.

– На панели, ублажая капитана или его помощника, – заметил Матвей. – Нет, Ева эти романтические приключения

не для твоей изнеженной природы. Не выдержишь суровых испытаний, штормов, качки и зачахнешь. Чтобы, сломя голову, отправиться с рыбаками в рейс, надо быть матерой, искушенной бабой, постоять за себя, а сексуально озабоченных мужиков обложить матом.

– Мотя, ты ни сколько за меня, сколько за себя волнуешься, – не уступала Ева. – Регина тебя обворожила, опоила колдовским зельем. Гляжу, как конь ретивый, бьешь копытом, готов заржать и сорваться с места. Возможно, я тебя уже не волную, завел любовницу и успел растратить на нее всю энергию? Гляди мне прямо в глаза, не опускай ресницы. Вижу, правда глаза колет, от меня ничего не утаишь, не скроешь. Мотя, предупреждаю: если ты меня сегодня оставишь на шуры-муры с Региной, то можешь не возвращаться, не рассчитывать на мои ласки...

– Лихо ты закрутила. Оказался без вины виноватым, – с досадой произнес Черпак. – Я тревожусь о квартире и сбережениях, а ты голословно подозреваешь в измене. Непостижимая женская логика, точнее, ее отсутствия из-за подмены эмоциями.

– Зато интуиция меня не подводит, – возразила она и потребовала. – Сейчас же признавайся, хитрый сердцеед?!

– Что такое говоришь, моя девочка, – смутился Матвей, не выдержав ее напора. – Мое сердце принадлежит тебе. Ты у меня единственная и очень желанная. Гори все синим пламенем. Остаюсь, ты – мое самое бесценное сокровище...

– Вот так всегда приходится силой любовь выпрашивать. Словно милостыню под синагогой, – пожурила она и сомкнула на его шее изящные руки. – Мотя, ты из рук вон плохо исполняешь свой супружеский долг. Будь это на Западе, в Париже или Лондоне, давно бы разошлись, как в море корабли, разорвали контракт. После голода секс – самый главный инстинкт и яркий элемент любви, на котором все держится.

– Ева, душечка, но прежде ты сама инициативы не проявляла, – напомнил он ей периоды отчуждения и раздражительности. – Наоборот мне приходилось требовать от тебя исполнении этого самого долга. Ты была скупа на ласки и отдавалась без желания, только бы от меня отвязаться. Так ведь? Признайся и покайся.

– Кто старое помянет, тому глаз вон, – обескуражила она его своим ответом и, улыбаясь, пропела. – Вторая молодость пришла к тому, кто первую сберег... А ты сберег первую, свой потенциал?

Она обняла его шею теплыми руками и, не дожидаясь ответа, предложила. – Давай, Мотя, вспомним, повторим нашу первую брачную ночь, в потом и медовый месяц?

– Давай! – с радостью согласился Черпак, неосторожно заметил. – Что случилось Ева? Я тебя не узнаю. Дома ты была неприступной и холодной, как айсберг? А-а, сообразил это на тебя, наверное, благотворно подействовало море, солнце, песок и пикантные салаты из мидии, креветок и рапана, разбудившие гормоны, либидо, инстинкт влечения...

– Да, именно песок, золотой и мидии. Ты угадал, Мотя, – позабавилась она. – Дожил до седых волос и до сих пор не понял, что женщина непредсказуема. Иначе мужчина теряет к ней интерес, словно к прочитанной книге. Для тебя я сохранила самые приятные и увлекательные страницы нашей Камасутры. Сейчас мы их сообща прочитаем.

– С большим удовольствием займусь увлекательным и приятным во всех отношениях чтением! – воскликнул он и привлек ее к себе.

– Тогда живо сбрасывай с себя одежду, и в ванную, – велела жена.

– Прямо сразу? С корабля на бал? – удивился Черпак.

– А зачем медлить, я сгораю от нетерпения и желания, – призналась она, потянула его за руку.

– Погоди, Ева, это так неожиданно. Раньше ты скупилась на ласки?

– Боялась, что ты пресытишься и охладеешь душой и телом, – призналась она и пояснила. – В женщине всегда должна сохраняться тайна, магия, чтобы она постоянно была желанной и слегка недоступной. Понаблюдай за дикими или даже домашними животными, они прежде, чем совокупиться, устраивают брачные танцы или бои между самцами.

Победитель «рыцарских» турниров получает в награду объект вожделения. Так и среди людей, особенно диких индейских племен, где сохранились древние традиции и ритуалы, существует состязательность. Мужчины больше ценят,

помнят и берегут то, что дается трудно, с боем.

– Евочка – ты настоящий психолог, не с яичницей, а с божьим даром! – восхитился Матвей. – Тонко понимаешь желания мужчины.

– Сегодня я делаю исключение, хочу стать доступной, – продолжила она. – Хочу подарить тебе и себе пиршество любви. Мы по праву заслужили райское наслаждение.

– Евочка, моя изумительная девочка, ты – прелесть! Однако, меня не покидает смутное ощущение тревоги, беспокоит интуиция?

– Разве у тебя есть интуиция? Она присуща только женщине с ее утонченными чувствами и умом. – заявила супруга. – В большинстве своем мужики – тугодумы, примитивные существа, способные лишь оплодотворять женщин...

– и добывать валюту, – добавил он.

– Деловые женщины сами с этой задачей успешно справляются, – возразила Ева и посетовала. – Мотя, ты, наверное, перегрелся на солнце. Тревога и хандра быстро пройдут. Секс – самое лучшее лекарство от тоски и печали.

– Пожалуй, ты права, но дай перевести дух, собраться с мыслями и настроиться, – отнял он руку с ее гибкой талии. – Мы с тобой здесь уже третьи сутки, а у меня душа не на месте, занозой засело в голове: как там наша квартира и имущество? Надо было ключи передать Лидии Самойловне, а не этой Регине – рыжей вертихвостке. Бордель, притон в квартире устроит. Она без секса со случайными партнерами ни

одной ночи прожить не может. Считает их пропащими.

– Откуда ты об этом знаешь? – поймала она его на слове. – Живо признавайся! Наверное, за валюту спал с Региной и не один раз? Ну, что молчишь, Бог шельму метит? Признавайся, как на духу.

– Упаси Господи, с ней связываться, разнесет по всему дому, – возразил Черпак. – От нее же потом не отвяжешься. Насчет ее горячего темперамента и ненасытности, так ты сама мне об этом рассказала. Вспомни-ка, говорила, что Регина меняет мужиков, как перчатки?

– Не припомню, – с лукавством ответила Ева.

– Лидия Самойловна лучше бы присмотрела за квартирой, – вздохнул Матвей. – Она целыми днями дома торчит или на лавочке с бабами лясы точит. Позаботилась бы о твоих экзотических цветах и колючих кактусах.

– Ну ее, старую колошу, к лешему, – отмахнулась жена. – Слишком она глазастая, а еще хуже, языкастая. Всю квартиру облазит, все вещи перещупает. Потом целый год на лавочке с такими же «божьими одуванчиками» будут языки чесать, наши косточки перемальывать. Старуха и так на меня дуется, словно церковная мышь на крупу. Зависть ее берет, что я молодая и красивая, а ее старость доконала. Бесы или ангелы заждались у порога. Цепляется за жизнь изо всех сил.

– Тогда напрасно мы взяли с собой на отдых Бакса, бездельника, – продолжил Черпак, заметив, как слышав свою кличку, темно-коричневой масти пес с бурыми подпалина-

ми, оторвал от паласа голову и поглядел на хозяина умными глазами. – Охранял бы квартиру, имущество, как на роду написано, как положено сторожевым псам.

– Мотя, да ты в своем уме? Может, сдурел на старости лет? – всполошилась Ева. – Бакс, тоже нуждается в полноценном отдыхе, который вполне заслужил. Для него морские процедуры, воздух очень полезны. А в квартире от одиночества и стресса он бы околел. Случись такое, я бы тебе этой жестокости никогда не простила. Ты и так своим табачным дымом отравил мою сиамскую кошечку Дунечку.

– Она от старости и кусачих блох померла, – слабо возразил Матвей.

– Не смей измываться над беззащитным животным, – предупредила Ева и пригрозила. – Если обидишь Бакса, то я обязательно, считая это своим гражданским долгом, сообщу в общество защиты животных. С тобой там проведут воспитательную беседу, даже оштрафуют. Имей в виду, что в европейских странах за жестокое обращение к нашим братьям меньшим предусмотрено уголовное наказание.

– Ева, ну, сколько тебе раз говорить, что собак для того и держат, чтобы они охраняли жизнь и имущество хозяина, – изрек он свой постулат. – Мы его холим и кормим, как на убой, не для красоты, а для того, чтобы он исполнял функции защитника и охранника. Иначе только задарма переводим на него импортный корм и мясо. Для красоты и забавы заведи себе королевского пуделя, болонку или спаниель.

– Ладно, уж функционер, не учи меня уму-разуму, – прервала его супруга. – У меня сейчас другая забота. В связи с тем, что курс рубля резко снизился, разумно было бы сменить имя Бакса на Евро, но чтобы без лишних затрат. А то ведь в обществе собаководов «Полкан» обязательно потребуют взнос за переименование, еще в довесок всучат поводок, намордник, телогрейку, совок и мешочек для сбора экскрементов.

– Ева, твой любимый кобель, обжора, нас окончательно разорит, – упрекнул он, ревностно относясь к псу, которому жена уделяет слишком много внимания, тем самым, обделяя супруга нежностью. К тому же, Матвей отличался патологической скупостью.

– Не только всучат мешок и совок для экскрементов, но и заставят сделать внеплановую прививку против бешенства, чтобы содрать больше денег, – спрогнозировал он. – Коль уж тебя приспичило поменять Баксу имя, то назови его Фунтом стерлингом. Стабильная и престижная валюта, а с евро неизвестно, что через год произойдет. Чтобы лишний раз не третиловать псину. Согласись, что это предложение самое мудрое?

– Слишком длинное. Фунт и еще стерлинг, язык сломаешь, – возразила она. – И потом напрашивается мысль о фунте лиха. Не хватало еще на себя беду накликасть. Евро лучше всего подходит. Коротко, сочно и оригинально. Еще никто из наших знакомых не догадался, так назвать своих домаш-

них любимцев.

– Евро, Евро! – позвала она ротвейлера, но пес не отреагировал. Тогда она потрепала его по упругой шее. – Слушай, теперь тебя зовут не Бакс, а Евро. Ситуация на финансовом рынке поменялась в пользу европейской валюты. Мотя, с этого момента называй его Евро, чтобы начал привыкать. О прежней кличке забудь, пусть американцы выкусят. Напечатали, черт знает сколько «зелени», вот она постоянно грызет рубль.

Видя, как нежно Ева взирает на пса и сколько ласки в ее голосе, Матвей сердито проворчал:

– Как знаешь, а меня своими глупыми идеями и заботами не грузи, лишний раз не доставай.

– Ладно, не ревнуй. Я вас в равной степени люблю и обожаю. Посмотрю, на что ты способен, – с иронией усмехнулась она. – Так ты идешь в ванную или я передумаю?

– Евочка, моя сладкая девочка, все же я съезжу домой, – неуверенно вымолвил Черпак. – Проверю, все ли в порядке с квартирой и имуществом? Это займет не более двух часов. А потом до самого утра мы отдадимся страсти.

– Мотя, я боюсь оставаться в номере одна. Здесь столько одиноких, голодных самцов, что каждый из них только и ждет, когда я буду одна, чтобы насильно овладеть. Ночью заберутся через окно или двери взломают и насильничают, – сообщила она.

– С чего ты взяла? Кому ты нужна, других баб хватает.

– Мотька, ты совершенно слепой. Не видел, как мужики меня на пляже пожирали своими похотливыми взглядами. Другой бы на твоём месте отшил их, а тебе, как тому старому барану, все по барабану. Без разницы, кто покушается на честь, домогается знойного тела твоей сурруги.

– В крайнем случае, Бакс тебя защитит.

– Не хочу, чтобы мой любимый песик пострадал.

– Ты преувеличиваешь опасность, – вздохнул Черпак. – На пляже, в пансионате, в ресторане и на дискотеках столько соблазнительных и доступных красоток, готовых по первому зову за валюту нырнуть в постель, что никто не рискнет тобой соблазниться.

– Ах, ты олух! По-твоему получается, что я уже неспособна заинтересовать, увлечь мужчину. Мол, старая вешалка. Ты меня в самое сердце ранил, чурбан неотесанный! – со слезами воскликнула она.

– Конечно, очень очаровательна, но лучше никому глазки не строй и не обнадеживай, – сказал Матвей и пригрозил. – Иначе я тебя и твоего любовника отправлю на тот свет. В состоянии ревности я за себя не ручаюсь.

– Мотька, ты меня достал своей ревностью! – со слезами в голосе воскликнула женщина. – Поезжай хоть к черту на кулички и не возвращайся. Бесчувственный чурбан. Любимая жена зовет тебя в постель, а ты от нее, глядя на ночь, бежишь, как черт от ладана. Всегда чувствовала и знала, что ты меня не любишь, а эксплуатируешь, ради плотских удовольствий.

Изображаешь из себя любящего и заботливого мужа. Меня не проведешь, я знаю, чего стоят мужики. Ты рвешься к любовнице Регине, ради нее готов пожертвовать женой, своей нежной девочкой. Уезжай и не возвращайся. Позвони по телефону в Керчь и узнай, а не терзай мне душу, кровосос.

Ева на ходу сбросила на кресло с себя одежду и забежала в ванную, а Матвей подошел к тумбочке с телефоном. Снял трубку с аппарата и набрал номер своей квартиры. В ответ – длинные продолжительные гудки.

«Понадеялись на Регину, а ее где-то черт носит. С утра может, заглянет, польет цветы и все дела, – с досадой подумал он. – Лидия Самойловна глаз бы не сомкнула, как зеницу ока, стерегла. Она из старой гвардии стойких бойцов, не зря ее супруг, царство ему небесное, в КГБ служил верой и правдой. А у Регины одно на уме, кого бы из богатеньких мужиков соблазнить».

Из ванной послышался шум и плеск воды.

– Евочка – моя славная девочка, ангел мой, – подошел он к двери, потянул за ручку, заперта и покаялся. – Прости меня, я, кажется, на самом деле перегрелся на солнце, голова пылает. Открой, пожалуйста, я тоже хочу освежиться, смыть с себя морскую соль и песок.

– Да, из тебя сыплется песок, сходи к сексопатологу, – больно уязвила она и, чуть смягчив тон, велела. – Поклянись, Мотя, что любишь меня, впредь не будешь никогда обижать, не поменяешь на молодую овцу. Помни, что я Ева – первая

женщина. От меня род человеческий пошел, а ты, Мотя, увы, к сожалению, не Адам.

«А как же дева Мария, мать Иисуса Христа?» – хотел он возразить, но передумал, вспомнив, что Ева расстраивается, когда ей перечат. У нее свое кредо: женщина всегда права. Поэтому обожает песню-шлягер с таким припевом.

– Прости дорогая, больше не повторится. Я – твой раб, – покаялся супруг. После клятвы в верности она впустила его в ванную.

Через несколько секунд они окончательно помирились. Ничто так не сближает, как нежное касание обнаженных мужского и женского тел. Послышался плеск воды, смех, нежные вздохи и шепот, сладкие стоны... Вскоре любовные утехы продолжились в спальней, куда он на руках бережно, словно ребенка, перенес обомлевшую от страсти Еву.

– Я предпочитаю теории практику, – произнес Черпак и властно положил ее на белоснежное ложе. Послышались ее сладострастные стоны, нежные всхлипывания. Она слегка впиалась коготками в его спину.

– Ах, Ева, ты моя королева, – прошептал он, страстно овладев ее хмельным и желанным телом.

– Ох, Мотя-я, какой ты игривый и неутомимый, – шептала она, пребывая в экстазе. Никогда он еще не знал ее такой ласковой и безотказной. Будто это была прощальная ночь пылких любовников перед долгой разлукой. И распираемый мужской гордостью, Матвей постарался ее не разочаровать.

Ночь пролетела, как одно мгновение и под утро, не различая жарких объятий, утомленные пиршеством любви, Черпаки крепко заснули на сползшихся на зеленый палас белых простынях. Спали бы, наверное, до полудня, пропустив завтрак. Но в 7 часов 18 минут зазвонил телефонный аппарат на тумбочке у изголовья широкого двуспального ложа. Сначала проснулся лежавший у двери пес и тихо залаял.

«Черт подери, не люкс, а псарня», – сгоняя дремоту, подумал Матвей и потянулся рукой к телефону, посетовав на то, что не догадался отключить аппарат, чтобы никто не беспокоил. Приложил трубку к уху.

Ева тоже проснулась и, неожиданно застыдившись своей наготы, прикрыла красивое смуглое тело краем простыни. Раскрыла смеженные от хмельных ощущений ресницы и поглядела на Матвея. Он выглядел уставшим, лицо было мраморно-холодным и мрачным. Несколько секунд держал в руке трубку, из которой доносились частые гудки.

– Что с тобой, Мотя? На тебе лица нет? – оторвала она голову с распущенными спутанными волосами от подушки. Он машинально провел ладонью по своему лицу, чтобы убедиться в ее словах. Уставился на жену бессмысленным взглядом. Беззвучно, словно лишившись дара речи, зашевелил губами.

– Что с тобой? Не молчи, как рыба, а то мне страшно, – затормошила она его за плечи. – Кто звонил? Что случилось?

– Случилось, – наконец прорезался его слабый голос. – По-

ка мы тут с тобой всю ночь забавлялись, нас ограбили. Утащили сейф, все наше тяжелым трудом нажитое состояние. Накрылась теперь покупка автомобиля «Opel», черт подери. Где тонко, там и рвется.

– Может, кто из знакомых пошутил? – с надеждой сказала Ева. – Вроде первоапрельского розыгрыша.

– Ничего себе шуточки! – отмахнулся Матвей. – Такими вещами не шутят. Звонила сначала Регина, а потом передала трубку старшему следователю майору милиции Ольге Васильевне Озерской.

Собирайся живо, едем. Отдохнули, черт возьми. Это все ты виновата, пристала со своими нежностями. Дорого мне обошлась эта безумная ночь любви. На всю жизнь запомнится.

– Почему тебе, а не нам? – подала голос Ева, следя за мужем. Он облачился в атласный халат.

– Хорошо, нам, – поправил он. – Какое это теперь имеет значение. Если бы ты вчера вечером не отговорила меня от поездки, то ничего бы не произошло, я бы пуганул грабителей, шарахнул бы из пистолета, только бы пятками засверкали.

– Если бы, да кабы, во рту выросли грибы, – передразнила его Ева. – Ты же поклялся, что меня никогда не будешь обижать, а теперь всех собак готов навесить. Если бы я знала, что ты такой обманщик ни за что не отдалась, облизнулся бы. В следующий раз пусть тебя дешевые проститутки об-

служивают.

– Ева, замолчи, не травмируй мою психику! – повысил он голос. – И так нервы на пределе и я за себя не ручаюсь. Попадешь под горячую руку, тогда не обижайся.

– Не волнуйся, Мотя, не рви сердце. Кто же мог знать, что нас ограбят, – примирительно с опаской поглядывая на супруга, произнесла она. – Не в деньгах счастье, а в любви и теплом общении.

– Пообщались до одурения, – огрызнулся Черпак, пнул пса ногой. – Пошел вон, нахлебник, толку от тебя, как с козла молока.

– Не тронь Евро! – взмолилась Ева.

Они поспешно сдали ключи от номера администратору.

– Почему раньше срока съезжаете? Вам у нас не понравилось? – допытывалась полнотелая густо сдобренная косметикой женщина с фиолетовой пышной прической. – Может, есть претензии к обслуживающему персоналу? С виновных мы взыщем.

– Проблемы личного характера, – пробормотал Черпак. Собрав вещи, с Евой и псом сели в темнозеленую «Skoda», поехали в Керчь.

Всю дорогу, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами, дабы не обострять и без того натянутые отношения, почти промолчали. Сидели, охваченные невеселыми думами. Евро, устроившийся на заднем сиденье, вел себя спокойно, не привлекая внимания.

– Мудрые люди правильно говорят: послушай женщину, покивай ей головой, а сделай наоборот, по-своему, – хмуро произнес Матвей, глядя на дорогу через лобовое стекло. – Так я теперь и буду поступать. Надоело быть подкаблучником.

Весть о краже сейфа с валютой и оружием стерла из сознания все приятные и яркие ощущения от минувшей ночи.

– У женщины интеллект и интуиция выше, чем у мужчины, поэтому она всегда права, – осмелилась возразить супруга. – Ты тоже не ангел. Скажи, как грабители могли проникнуть, если стальная дверь и на окнах решетки? Надо было сигнализацию установить. Я тебе давно об этом говорила.

– Надо было Бакса оставить! – вскипел он, крепко вцепившись в баранку, едва сдерживая гнев. Его так и подмывало остановить авто и припечатать свою широкую ладонь к ее пухлой ягодице.

– Щас, как дам по тыкве! – замахнулась она и напонила. – У нас нет Бакса, а есть пес по кличке Евро. Сколько тебе раз говорить!? Завяжи узелок на память, если склероз одолел.

– Лучше бы он квартиру стерег.

– Ага, дудки, оставить, чтобы его бандиты зарезали, – простонала жена и упрекнула. – Я не подозревала, Мотя, что ты такой кровожадный.

– Глупая ты баба. На похищенные баксы купил бы тебе сотню таких Баксов, целую псарню купил, – подсчитал он в

уме. – И помолчи, наконец, не тарыхти, как балаболка, а то схлопочешь за интеллект и интуицию. Что ж твоя интуиция не подсказала, что воры в квартире залезли?

– Нам вчера было не до них, – напомнила она о любовных утехах и вздохнула. – Может сыщики поймают грабителей. В фильме «Менты» показывают, как они ловко действуют, всех злодеев вяжут, как веники.

– Поймают мг, надейся и жди, – ухмыльнулся Черпак. – Не для того воры рисковали, чтобы легко попасть в руки к сыщикам. Дилетанты на такие крупные кражи неспособны.

– И кому мы дорогу перешли, поперек горла стали? – призадумалась Ева, вжавшись в мягкое сидение. Остаток пути проехали, одолеваемые тревогами и сомнениями.

2. Ночная кража

Лидия Самойловна Тукай, далеко не бальзаковского возраста дама, с трудом дождалась, когда за окном забрезжит рассвет и на улице появятся первые прохожие. Сын-инвалид, пятидесятилетний полного телосложения мужчина, спал на диван-кроватьи в гостиной, шумно втягивая в себя спертый воздух.

Она решила его не беспокоить, пусть сынуля поспит после изрядной дозы любимого портвейна, и вышла в подъезд. Оттуда мимо приبلудной дремавшей овчарки– колли по кличке Рыжий, прошла во двор.

Отдышалась на лавочке и продолжила путь. Обходя во-круг четырехэтажного, некогда элитного сорокалетней постройки здания, она остановилась, как вкопанная. Не веря своим глазам, приблизилась и увидела, что металлическая решетка на окне кухни квартиры ее соседей Черпаков, расположенной на первом этаже, повреждена. Три прута, толщиной в палец перепилены и отогнуты вверх до фрамуги, а створки рамы открыты.

– Господи, что на белом свете дается, – поспешно перекрестилась Тукай. – Похоже, какой-то злодей ночью побывал в квартире Матвея и Евы. Меня внук Степка огорчает, то позолоченные или серебряные ложки и вилки умыкнет.

Но то родное дитя, а тут, наверное, чужие забрались. Так вот оттуда ночью доносились шум, стук и голоса, а я думала, что молодежь хулиганят. Надобно Регину разбудить. Ева ей ключи доверила, чтобы за квартирой присматривала. Поглядим, что они там натворили, а потом в милицию сообщим.”

С этими намерениями старушка вошла в первый подъезд и нажала на кнопку электрзвонка квартиры Регины Межениной – жены рыбака, промышляющего на траулерах-тропиках в морях и океанах. Прислонила ухо с серебряной серьгой с топазом к двери, драпированной черным дерматином. Ни звука, но через две минуты после очередного звонка, кто-то прошлепал ногами за дверью.

– Кого черт в такую рань принес? – прозвучал недовольный полусонный женский голос. – Прохиндеи поспать не дают, умаялась я.

– Регина, не бранись, это я Лидия, – отозвалась Тукай.

– Вижу через «глазок», что ты, не слепая, – проворчала Меженина. – Что тебе надо? Бессонница мучает или лунная болезнь?

– Здоровая, только нервы иногда шалют, не дают покоя, – возразила Лидия Самойловна и поинтересовалась. – Ты слышала ночью шум и голоса?

– Во-о, а говоришь, что здоровая. Уже глюки пошли, голоса мерещатся, – засмеялась Регина и пояснила. – Наверное, ангелы тебя заждались. Я ничего не слышала, устала и спала, как убитая.

– Чем же ты занималась?

– В отличие от тебя, я молодая и красивая, мужики проходу не дают, – с гордостью заявила она. – Почему ты меня побеспокоила ни свет, ни заря? Нормальные люди в это время в постели нежатся.

– Черпаков ограбили, – со злорадством заявила Тукай. – Я знаю, что у тебя ключи от их квартиры, надо бы взглянуть, что унесли, да сообщить Матвею и Еве.

– Что ты говоришь? Откуда известно, что ограбили? – удивилась Меженина, пустив старуху в прихожую.

– Решетка распилена, окно на кухню открыто. Не терпится узнать, что взяли? Там у них разного добра, как в супермаркете.

– Добра у них хватает, – подтвердила Регина. – Живут, не зная нужды. Дай Бог каждому такого достатка.

– На Бога надейся, а сам не плошай, – прошептала Тукай и поторопила. —Давай, живо одевайся, бери ключи...Ох, узнать бы, что у буржуев унесли?

– Не обижайся Лидия Самойловна, но ты старая, мозги высохли, из ума выживаешь, – упрекнула Меженина. – Сунемся мы туда, наследим. Нас же милиция сцапает. Потом доказывай, что не мы квартиру ограбили. Сошьют уголовное дело, загремим под фанфары на нары. Соображать надо головой, а не мягким местом. Сначала надо сообщить в милицию, а они дадут указания, что делать дальше.

– А ведь верно, – согласилась старушка. – Сообразитель-

ная ты, не только красотой, но и умом Господь не обделил.

– За это меня все любят, – улыбнулась Регина, величаво вскинув голову с каштанового цвета волос прической.

– Черпакам надо срочно позвонить, – посоветовала Лидия Самойловна.

– Пусть милиция сама решает, кому звонить, а наше дело маленькое, – заметила Меженина и, подойдя к телефонному аппарату, набрала 02. Сообщила дежурному о происшествии.

– Ждите, – велел он.– Никаких действий не предпринимайте, оставайтесь на месте.

– Вот видишь, сказали, чтобы никаких действий, – поучительно произнесла она. Но все – таки снедаемые любопытством, они вышли на улицу и успели потоптаться под окном с взломанной решеткой.

Минут через пятнадцать подкатил темно-зеленый милицейский УАЗ. Из него вышли трое мужчин и женщина. Один из них был в форме капитана милиции. А из заднего отсека автомобиля выпрыгнула немецкая овчарка на поводке. Тукай было направилась к капитану, решив, что он старший по званию и должности, но остановилась, встретившись взглядами с женщиной – высокой шатенкой в элегантном пиджаке и юбке.

– Я – старший следователь, майор милиции Ольга Васильевна Озерская, – представилась она и указала на капитана. – Эксперт-криминалист Виталий Федорович Корж, опер-

уполномоченный уголовного розыска Денис Сергеевич Гарич и кинолог старшина Георгий Миронович Потужный.

– Что ж это у вас в милиции толковых мужиков нет, – не дослушав следователя, укорила Тукай. – Бабу командиром назначили?

– Офицера, а не бабу, – оборвала ее майор милиции. – И впредь прошу не грубить, обращаться только на вы, я при исполнении служебных обязанностей.

– Погляжу, погляжу, какая исполнительница, – с обидой промолвила Лидия Самойловна.

Вся оперативно-следственная группа направилась к окну с взломанной решеткой. Корж тщательно обследовал раму, решетку, участок на предмет поиска следов и улик. Тукай и Меженина с интересом взирали на его действия.

– Где владелец квартиры? – спросила Озерская.

– Черпаки три дня назад уехали в пансионат на Азовское море, – сообщила Регина. – Ключи мне оставили, чтобы за квартирой присматривала, цветы поливала.

– Адрес, телефон?

– Я записала, – поняла ее вопрос Меженина и следователь поспешно обернулась к кинологу.

– Ты, Георгий, пока здесь с Альфой поищи следы, куда они приведут, а ты Денис опросили жильцов дома, окна которых выходят в эту сторону. Извлеки больше информации, может, найдем зацепку.

Затем майор обернулась к Тукай и Межениной.

– Вы будете в роли понятых, – велела она. – Предупреждаю об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Чтобы никаких фантазий и домыслов, только о том, что видели и слышали.

– Если ты, вы вздумали мне угрожать кодексом, то буду, как рыба молчать, – вскинув голову, мрачно заявила Лидия Самойловна. – Мой муж, майор госбезопасности, я ему помогала шпионов разоблачать.

– Никто вас не пугает, так по закону полагается, – с улыбкой пояснила Озерская. – Пошли, нельзя терять ни минуты времени. Откройте квартиру, из нее позвоним потерпевшим. Вы, Виталий Федорович тоже следуй за мной, не отставай.

Вчетвером они вошли в подъезд. После осмотра стальной двери без следов повреждений, Регина, звеня связкой ключей, открыла два замка. Корж потянул на себя тяжелую бронированную дверь, обшитую красным деревом. Вошли в прихожую и включили свет. Квартира поразила своей импортной отделкой под евростандарт и роскошью, свидетельствуя о большом достатке жильцов.

Озерская придержала за руку, порывавшуюся вперед Лидию Самойловну.

– Не торопитесь, – сказала она. – Капитан обследует, нет ли следов, отпечатков и тогда я вам дам знак, идти дальше.

Зорким взглядом Корж оглядел мебель, паркет и другие предметы, но явных следов не выявил, разрешил пройти

вглубь помещения.

В богато убранной просторной гостиной с итальянским мебельным гарнитуром, кожаными креслами, коврами и хрустальной люстрой под лепным с орнаментом потолком не было признаков чужого присутствия и беспорядка, который обычно оставляют после себя домушники. Ценные вещи, видео и радиоаппаратура, позолоченные, серебряные и хрустальные изделия за стеклом серванта и мебельной стенки не были тронуты.

– Слава те Господи, ничего не взяли, – оглядев интерьер, с удовлетворением произнесла Тукай. – Это я их, когда услышала шум и голоса сначала за окном, а потом в соседней комнате, наверное, шибко напужала.

– Как же вы их напугали? – с иронией поинтересовалась Ольга Васильевна, взглянув на хлипкую старушку, едва державшуюся на ногах.

– Я постучала шваброй в стену, вот они и разбежались, словно тараканы по щелям, ничего не успели унести, – самодовольно сообщила она. – Мне за это, наверное, и премия от милиции полагается. Почитай, жизнь свою рисковала, могли бы со злости ко мне залезть и задушить.

– Ничего не взяли. Как бы ни так, – вздохнула Озерская. – Чихать они хотели и вашу швабру и стук.

Цепким взглядом она проследила за глубокой свежей царапиной на паркете, идущей из спальни через прихожую на кухню. По этой отметине вместе с Коржом прошла в спальню

и увидела рядом с шифоньером развороченный деревянный пол с сорванными болтами.

– Очевидно, здесь был небольшой сейф, – предположил Виталий Федорович.

– Да, только сейф могли поставить на фундамент и болты, – согласилась следователь и позвала понятых. Тукай тут как тут, проявила удивительную резвость, словно стояла за дверь и ждала команды. Остановилась, вперив взгляд в развороченное место в углу комнаты. Следом появилась и вторая понятая, Регина.

– Припомните, в котором часу вы слышали шум и голоса за окном и в соседской квартире? – спросила майор.

– Между вторым и третьим часами ночи, – отметила она.

– Почему сразу не сообщили в милицию? Мы бы их взяли по «горячим следам» с поличным и тогда вы, действительно заслужили бы премию от УВД за предотвращение преступления. Прославили бы вас через газету и телевидение, да и Черпаки бы в долгу не остались.

– У них среди зимы снега не выпросишь, за копейку удавятся, – хмуро ответила Тукай. – Поэтому Бог шельму метит. Да и ваша милиция нынче не шибко богата, чтобы премиями разбрасываться. Сами спонсоров ищите, чтобы помогли финансами и бензином.

– Это верно. Вы, Лидия Самойловна, хорошо информированы, – похвалила Озерская.

– А ты что ж, голубушка, думала, что я бабка неграмот-

ная? – упрекнула Тукай. – Да я тридцать лет в научном институте проработала, кадрами заведовала. Меня в городе каждая собака знает. Это сейчас пенсионеры, старики никому не нужны. Политики и чиновники считают нас обузой для страны и казны, жалкие гроши платят.

– Я вам очень сочувствую, – прервала пенсионерку следователь, поняв, что задела болезную тему. – Но вы не ответили на мой вопрос: почему не позвонили в милицию?

– Думала, что это подростки расшумелись, – сказала она. – Нынче знаете, какая молодежь пошла, пьют, курят, нюхают, колются и с кем попало слипаются. Стыд и срам. В годы моей молодости о таком даже подумать было преступно. Блюли мораль, нравственность, почитали своих родителей и стариков. Под окнами концерты не устраивали. Вот я и решила, что пошумят и разойдутся. С этими алкоголиками и наркоманами связываться, значит навлечь на себя беду.

– Все равно надо было позвонить для профилактики, – мягко настаивала Озерская.

– Пусть другие звонят, у кого денег много, – возразила Тукай. – За ложный вызов милиции, я слышала, теперь полагается штраф и оплата за расход бензина. А моей жалкой пенсии на лекарства и харчи не хватает. А тут еще за квартиру, телефон, воду, тепло и электричество долги растут. Вот я прикинула в уме, во что мне обойдется бдительность, не стала вас беспокоить. Эх, житуха, прилипло к спине брюхо..., хоть в петлю лезь.

– В петлю не надо. Живите, долго и счастливо, без вас хватает фактов суицида, – сказала следователь. – Логика у вас, Лидия Самойловна, железная. Если сами побоялись, то подняли бы своего соседа, чтобы вышел и поглядел, что за окнами происходит.

– Что вы такое говорите? – возмутилась Тукай. – Сосед – ветеран войны, он едва с костылем по квартире передвигается. Они бы его, доходягу, с ног сбили и затоптали, как табун диких коней. Нынче здоровому человеку в темное время опасно в подъезд или во двор выходить. Везде хулиганы бродят, калеке с ними не справиться. Куда милиция смотрит?

– Да, пожалуй, вы правы, – согласилась с ее доводами майор. – Вы знали, что у Черпаков в квартире сейф?

– Нет, впервые слышу. Ева, да и Матвей меня дальше прихожей не пускали. Нелюдимые, скупые, считали, что я им не ровня. У них, видите – полная чаша, живут в роскоши и удовольствиях, ни в чем себе не отказывают, куры денег клюют. Они даже своего зверя в честь американских дензнаков Баксом назвали.

Везде им валюта мерещится. Хлебают и хлебают точно черпаки. Никак не насытятся, все им мало. И как только Господь, может взирать на вопиющую несправедливость? Матвей в мать, Сару Казимировну, уродился. Такой же скупой, не приведи Господь. Два года назад, следом за Елисеем, она представилась.

Поняв, что Тукай теперь не остановить, пока все наболев-

шее не выплеснет, Ольга Васильевна обратилась к Межениной, кареглазой сорокалетней и оболъстительной женщине:

– Будьте добры, позвоните Черпакам в пансионат, пока они не ушли на пляж. Если отзовутся, то передадите мне трубку.

Регина подошла к телефонному аппарату и, тонким пальцем нажав на кнопки, набрала номер. Абонент, судя по длинным гудкам, отсутствовал. Она хотела положить трубку на рычаг, но прозвучал ответ:

– Матвей Елисеевич слушает.

– Доброе утро... хотя оно для тебя с Евой вряд ли доброе, – поспешно поправилась женщина.

– Это почему же? – возразил Черпак. – Что случилось, Регина?

Но она передала трубку.

– Что такое Регина, с кем ты там чирикаешь? С подругой или очередным хахалем? – недоумевал он.

– Следователь майор милиции Озерская, – назвалась Ольга Васильевна. – Срочно приезжайте. Ночью в вашей квартире совершена кража. Уже выяснилось, что преступники похитили сейф. Возможно, и другое имущество. Чем быстрее прибудете, тем лучше.

– Сейф? Он же тяжелый, не может этого быть, – простонал Черпак и упавшим голосом сообщил. – Срочно выезжаю...

Корж, сняв видеокамерой место, где находился сейф, продолжил исследовать следы на кухне и повреждения окна, а

майор – занялась опросом Межениной:

– Значит, вам Черпаки на время своего отсутствия поручили присматривать за квартирой?

– Да, а кроме того забирать из почтового ящика газеты и поливать комнатные цветы, кактусы, фикус, – ответила Регина. – Ева нигде не работает. Может себе позволить праздную жизнь при состоятельном муже Матвее. Поэтому все внимание уделяет любимому псу Баксу и цветам, у нее оранжерея в квартире и на даче.

– На мужа, что же внимания не остается?

– Наверное, остается, – пожалала плечами Меженина. – У Евы, как у английской королевы, гора свободного времени. Мне бы найти такого кормильца, то и горя бы не знала, а то восемь-десять месяцев муж болтается в морях и океанах, а я женщина молодая, темпераментная... знаете какво? Повезло Еве – мужик всегда под боком, наготове в любое время.

– Почему вы, Регина Юрьевна, в минувшую ночь не ночевали в квартире Черпаков?

– Зачем мне это надо? Я из ума еще не выжила, чтобы за чужое добро рисковать своей жизнью? – ответила она вопросом на вопрос. – Вы думаете, кто-то поблагодарит за усердие? Дудки. Черпаки не из тех людей, что разбрасываются валютой. Помешались на «зелени», даже собаку Баксом называли, чтобы значит валюты привалило. Я еще хочу пожить в свое удовольствие.

Представляете, меня даже в жар бросает от одной толь-

ко мысли, если бы я ночью осталась в их квартире. Грабители меня бы изнасиловали и зарезали, как овцу. Вы же прекрасно знаете, что они свидетелей не оставляют. Лежала бы сейчас в морге с перерезанным горлом. Слава тебе, Господи, сохранил и помиловал. Схожу в храм Иоанна Предтечи, поставлю свечку и подам милостыню калекам и убогим.

– Вы бы грабителей своим присутствием испугали, – произнес, возвратившийся в прихожую эксперт-криминалист. – У них бы отпало всякое желание ломать решетку и лезть в окно.

– Товарищ капитан, как вам не стыдно такое говорить? Разве я похожа на пугало или чучело? – Меженина прошла, демонстрируя свою красоту и изящество. Обхватила руками гибкую тонкую талию и огладила ладонью высокую грудь.

– Извините, пожалуйста, я, кажется, неудачно выразился, – смутился Виталий Федорович.

– Ладно, на первый раз прощаю, – снисходительно, улыбнувшись, промолвила Регина и, не дожидаясь очередного вопроса, продолжила. – Еве очень повезло, ее Мотя, то есть Матвей Елисеевич, глубоко убежден, что женщина рождена не для труда на производстве, либо в учреждении, а для любви и семьи, чтобы мужчина был ею обласкан и согрет. Мусульмане имеют трех и более жен и вполне справляются со своими функциями, Получается, что славяне-мужики слабые. Рано спиваются...

– Не все, есть и неутомимые гладиаторы. Выкроить время можно, было бы желание, – улыбнулся офицер.

– Так зачем дело, товарищ капитан? – обрадовалась Регина. – Как в песне поется, гуляй, пока молодой...

Ее глаза с золотисто-карими зрачками засветились надеждой и обещанием и, это не ускользнуло от Озерской.

– Здесь вам не вечер вопросов и ответов, приятных знакомств, – ревностно заметила она, бросив осуждающий взгляд на Виталия Федоровича. – Делу время, а потехе – час. Потом поговорите на личные темы. Скажите, Регина Юрьевна, что Черпаки хранили в сейфе?

– Вопрос не по адресу, – с обидой в голосе отозвалась Меженина. – Мне это неизвестно, но я так полагаю, что валюту и драгоценности. Не овощи же и фрукты в сейфе хранить?

– Почему вы так считаете?

– Потому, что Матвей и Ева собирались продать свою подержанную иномарку «Skoda» и купить «Opel» или «Mercedes». Поэтому копили валюту, за копейку готовы были удавиться.

– Кто еще о предстоящей покупке мог знать?

– Многие жильцы и нашего, и соседних домов, – опередила Меженину с ответом Лидия Самойловна. – У Евы мания величия, язык без костей, каждой бочке затычка, ей нельзя доверять тайну.

– Вы тоже, Лидия Самойловна, от нее далеко не ушли, – бросила реплику Регина. – Разносите сплетни, как сорока на

хвосте. Какое вам дело, кто и с кем спит? Суете нос в чужие романы, как будто сами в молодые годы не грешили?

– Мне простительно, я – старая. Ты поживи, пострадай, как я, тогда по-другому запоешь, – Тукай не осталась в долгу, и продолжила. – Порой, кажется, что Ева с умыслом везде хвастается, чтобы показать какая богатая и заработать этим авторитет и уважение. А того, глупая, не поймет, что доброе имя и симпатии за капитал не купишь. Человека ценят за честность, трудолюбие, скромность и доброту.

У Черпаков с этим как раз большая проблема, как говорится, сошлись, два сапога – пара, друг друга стоят. Нас, стариков, угнетает, что они, не мозоля рук, жируют, а мы с голоду пухнем.

– Вы, Лидия Самойловна, испытываете к ним неприязнь, поэтому не можете быть объективны, – пояснила следователь.

– Мне с ними детей не крестить? – возразила дама. – Да и детей у них совместных нет. Поэтому на роль крестницы я, даже при желании не могу претендовать.

– Мы вам еще нужны или свободны? – напомнила о себе Меженина, слегка потеснив Тукай.

– Спасибо за помощь, – улыбнулась Ольга Васильевна. – Подпишите протокол осмотра места преступления и свободны. Если еще потребуется, то пригласим для дачи показаний.

Лидия Самойловна направилась на выход, а Озерская

придержала за руку Регину и доверительно спросила:

– Каковы отношения в их семье? А то ведь нередко бывает так, что роскошь и достаток, а живут, как собака с кошкой?

– Обычные отношения, детей нет, у Моти с этим проблемы, – вполголоса произнесла Меженина. – Случаются ссоры, но нечасто, ведь семья без ссоры, что суп без соли. Для остроты и свежести ощущений иногда необходимы трения, семейные ссоры.

– С жиру они бесятся, соседям не дают покоя, – донесся из прихожей голос неугомонной Тукай. – Им бы мою пенсию и проблемы, на стену с горя и тоски бы полезли.

– У каждого своя судьба, своя планида, – с грустью отозвалась следователь. Понятые, обогащенные впечатлениями, удалились.

3. Стресс и паника

Вскоре прибыли супруги Черпаки, подкатив на темно-зеленом автомобиле к самому подъезду.

Не удосужившись взять из багажника чемоданы, зашли в квартиру. Ева, с трудом удерживая ротвейлера на коротком поводке, Лишь печальным взглядом окинула сотрудников милиции, словно в комнате находился покойник, и звучание голоса могло побеспокоить остывший труп.

Матвей Елисеевич поздоровался кивком головы и сразу прошел в спальню. Уставился взглядом на место, где еще несколько часов назад стоял, согревавший его сердце, сейф. Отпихнул ногой кобеля и в отчаянии схватился за голову. Ева тоже несколько секунд молчала, будто скованная страхом мумия, а потом ее прорвало:

– Сколько раз, Мотя, я тебе говорила, сколько раз просила, чтобы установил сигнализацию, – слезы навернулись на ее глаза. – Ты, как глухой пень, все твердил: потом, да потом. Вот те и суп с котом. Не забывай, что женщина всегда права. Были состоятельными, жили, как нормальные люди, все нас уважали и ценили, а теперь в один миг стали нищими. Пустили нас по миру ... Сколько лет копили, во многом себе отказывали...

– Эх, Евочка, сладкая моя девочка, – запричитал супруг. –

Знаю, что ты очень утонченная, впечатлительная и ранимая натура, но не впадай в истерику, держи себя в руках, не давай волю своим бурным эмоциям. Трезво смотри на события и вещи.

«Однако, прозвучало довольно редкое сочетание «сладкая и непорочная», Обычно понятия «сладость и порок» неразделимы, – подумала Озерская. – Слишком театрально, искусственно и фальшиво. Будто они сговорились и стремятся разыграть сцену, чтобы убедить меня в прочности своих семейных уз. Похоже, утратили чувство меры, этикет, если открыто говорят о деликатных отношениях».

– Не дал Бог мужу ума, считай калека, – несмотря на миролюбивый тон супруга, Ева продолжила обострять ситуацию.

Озерская заметила, как Черпак напрягся, с трудом сдерживая себя, но последняя фраза переполнила чашу его терпения.

– Еще неизвестно, кто из нас калека? Перестань скулить, прибежаться, – грубо оборвал он жену. – В сейфе даже ломаного гроша твоего не было, все мои сбережения. Ты жила нахлебницей, приживалкой...

– Я, я, значит, нахлебница? Дождалась за любовь и ласку благодарности, – от негодования захлебнулась Ева, вытирая ладонью повлажневшие глаза. – Мотя, ты неотесанный мужлан, ведешь себя, словно похотливое животное...

– Молчать! – угрожающе приказал Матвей и процедил

сквозь зубы. – Сколько раз я тебя предупреждал, чтобы при посторонних лицах ты меня не называла этим пошлым мещанским именем Мотя. Я к твоему сведению, Матвей Елисеевич. Еще раз заикнешься, избыю, как сидорову козу.

– Руки коротки! С этого момента я для тебя, не Евочка, золотая девочка, а Ева Марковна, прошу не забываться! – гордо заявила она и обратила свой взор, то на Озерскую, то на Коржа. – Вы будете свидетелями. Слышали, как он мне угрожал? Зафиксируйте этот факт в своем протоколе, а я подпишу.

– Я – не свидетель, а свидетель, – сурово произнесла Ольга Васильевна. – Сейчас же прекратите семейную склоку, выяснение отношений. Держите себя в руках, успокойтесь. Общая беда должна объединять, а не разобщать.

Давайте перейдем к обстоятельствам дела, каждая минута дорога. Поэтому, не обессудьте, что еще до вашего прибытия в присутствии понятых, мы произвели осмотр места преступления, чтобы найти хоть какую-нибудь зацепку для розыска злоумышленников по “горячим следам”. В нашей работе фактор времени имеет решающее значение. Чуть промедлишь и ищи ветер в поле.

– Нашли зацепку? – хмуро с явным неудовольствием бросил Черпак и упрекнул. – Впредь без моего позволения в квартиру не лезьте, иначе навешаю на вас пропажу ценных вещей.

– Мы это сделали ради вашего же блага в присутствии по-

нятых, в том числе Регины Межениной, которой вы доверили ключи от квартиры, поэтому претензии неуместны, – строго ответила майор милиции. – Что касается зацепки, то пока ее нет.

С вашей помощью, надеюсь, удастся выйти на след злоумышленников. Возможно, вы кого-нибудь подозреваете среди знакомых, либо друзей? Ведь тот, кто навел на квартиру или совершил кражу, наверняка, знал о сейфе, его содержанием, о том, что вы отдыхаете в пансионате?

– После публичного хамства я ему не жена, – с обидой простонала Ева. – Он – садист и нудист с манией величия.

– С этим вы сами разбирайтесь, – парировала следователь, – Ева Марковна, наберитесь терпения, до вас очередь дойдет.

– Вот так всегда, приоритет сильному полу, – упрекнула она, изобразив на лице безразличие.

– Матвей Евсеевич, что находилось в сейфе?

– Одиннадцать тысяч долларов, ювелирные изделия из золота, платины, серебра и драгоценных камней, одно кольцо с бриллиантом, остальные с рубинами, сапфирами, изумрудами и топазами, а также табельное оружие – пистолет Макарова.

– Значит боевой? – уточнила следователь.

– Конечно, с восемью патронами девятого калибра в магазине. Вы не сомневайтесь, у меня есть на ношение личного оружия разрешение. Подписано начальником милиции, –

пояснил он. – Я ведь в городе заметная фигура, поэтому существует угроза наезда бандитов. Может кража сейфа, как раз их рук дело? А знакомых у меня много, но грешить не стану. Они на такую подлость неспособны. Может, кто из Евиных подруг проболтался?

– Мои подруги, в отличии от твоих собутыльников, честные и порядочные люди, – мгновенно отреагировала, вроде бы внешне безучастная к происходящему Ева. – Это твои приятели напиваются до чертиков и всякий раз норовят меня в постель затащить, а ты делаешь вид, что не замечаешь. Женой готов за услуги расплачиваться. Рыцарь, защитник называется. Если бы не пес Евро давно бы кто-нибудь снаильничал. Только он и спасает от грубых домогательств.

Ротвейлер, начавший привыкать к новой кличке, доверчиво потерял о ногу хозяйки, а она благодарно потеребила его по загривку.

– Ева не дерзи, не обостряй ситуацию, – закипал Черпак. – И без тебя тошно, хоть стреляйся, да пистолет похитили.

– Не убивайтесь так, бывают потери и покруче, гибель родных и близких людей, опасные болезни, – напомнила Ольга Васильевна. – Это действительно невозполнимые утраты, а валюта и драгоценности – дело наживное. Хотя, конечно, обидно и досадно, тяжело смириться с причиненным ущербом. Но делать из этого трагедию не советую. Из своей практики знаю, куда страшнее и трагичнее истории. Появится больше свободного времени, возьмусь за перо, а

пока уголовных дел с избытком. Едва успею одно расследовать, как накатываются другие.

– Вам хорошо рассуждать, – упрекнула Черпак. – Ваш сейф на месте, а нас обообрали до нитки.

– Да, мой сейф на месте, в служебном кабинете. В нем хранятся материалы следствия, – подтвердила майор и велела. – Чтобы вам не сидеть без дела, составьте подробный перечень драгоценностей, хранившихся в сейфе. С описанием каждого ювелирного изделия, названия драгоценных камней. Надеюсь, вы хорошо помните?

– Помню, я все опишу, – заблестели глаза у Евы, словно составление подробного перечня гарантировало возврат драгоценностей.

– Тогда оставайтесь в спальне, а мы с Матвеем Елисеевичем продолжим беседу в гостиной, – сказала следователь, довольная тем, что нашла повод развести супругов, слишком темпераментных и импульсивных, готовых сцепиться в поединке.

– Ущерб достаточно крупный, – посочувствовала Озерская, когда они остались наедине. – Меня интересуют какие-нибудь отличительные приметы. С пистолетом все ясно, есть номер, хотя и его попытаются сбить или запаять, но, как правило, экспертам удается установить истину. А вот сейф, что он из себя представлял?

– Обычный сейф, – пожал плечами Черпак. – Весом килограммов сорок пять, у меня на него есть техпаспорт. Ах,

да вспомнил, после покупки я попросил знакомого гравера, чтобы он на тыльной стороне в верхней части сделал метку “МЕЧ”. Понимаете, аббревиатура, означающая Матвей Елисеевич Черпак.

– Это прекрасно, вы человек предусмотрительный.

– Предусмотрительный? Как бы ни так, Ева права, – вздохнул он. – Давно следовало сигнализацию установить, если не с подключением к центральному пульту государственной службы охраны, то хотя бы, автономную с сиреной. Тогда бы никто не рискнул залезть в квартиру.

– Почему они его на месте не вскрыли?

– Сейф был снабжен кодом и сложным замком, недоступным даже опытному медвежатнику. Поэтому, видимо, решили не возиться, унесли полностью. Остались, вот ключи на память...

Матвей достал связку из кармана брюк. Держа на брелке, легонько звякнул. Небрежно бросил их на диван.

– У Евы Марковны тоже есть ключи от сейфа?

– Нет. Это единственный экземпляр. Я ей сейф, из-за того, что в нем хранилось оружие, не доверял, ключи постоянно носил с собою.

– Значит, она не могла сделать из них слепок?

– Это совершенно исключено.

– Она не обижалась на вас за то, что лишили ее доступа к драгоценностям и валюте?

– Сначала дулась, даже в ласках отказывала, типичные

женские штучки, а потом смирилась и может быть, согласилась с тем, что я прав, – признался Черпак. – Ведь вам, Ольга Васильевна, как никому другому известно, что женщина, украшенная драгоценностями и разодетая в дорогие меха, является объектом для ограбления и насилия. Ева, что касается ювелирных изделий, не знает меры, вот и приходится ее сдерживать и опекать, решать, что ей носить, а что дома оставить.

К тому же, нескромно и, даже опасно в наше смутное криминальное время роскошь выставлять напоказ. Старушки-пенсионерки и без того языками чешут, зависть их берет, раздражает чужой достаток. Надо мол, всем бедствовать, тогда полный порядок, справедливость воцарятся.

– Не всякой женщине такая опека понравится, – задумчиво произнесла Озерская. – Я бы на ее месте не согласилась с таким режимом.

– Вы другое дело, офицер, майор милиции. Ева – типичная мешанка. Куда ей деться, на всем готовом живет, ни в чем нужды не знает, – возразил он. – Вот она и не рыпается, хотя иногда острые зубки и коготки норовит показать. Однако же понимает, что у большинства женщин жизнь несладкая.

С утра до вечера на рынке или в другом месте за гроши вкалывают. Ева у меня, на положении барыни, У нее единственные заботы – цветы, разные там кактусы, китайские розы, бегунии, «разбитые сердца». А еще да пес, которого она,

наверное, любит больше, чем меня. Он тоже сидит у меня на шее: импортные корма, ветеринарный уход... все требует затрат.

После этой кражи продам его кому-нибудь или отведу в собачий приют... Только вы, пожалуйста, Еве об этом ни слова, иначе она не переживет.

– А как же тогда напоминание Экзюпери из «Маленького принца» о том, что мы в ответе за тех, кого приручили? – напомнила майор.

– Жизнь – суровая штука, чем-то приходится жертвовать, делая трудный выбор, – сухо ответил Черпак.

– Ой, ой, убили, зарезали! Караул, помогите! – донесся из спальни истошный женский крик. Матвей и Озерская бросились на этот душераздирающий вопль. Ева стучала кулачком по отворенной дверце шифоньера, на ковре валялись несколько платьев и костюмов, прозрачный, как паутинка небесно-голубой пеньюар... По ее щекам с наведенными румянами с подведенных тушью ресниц текли черные слезы.

– Ева, Евочка – моя золотая девочка! – подбежал к ней супруг и бережно обнял за вздрагивающие плечи.

– Что с тобой? Ты решила покончить, отравиться? – допытывался он, вытирая ладонью черные слезы.

– Мотя-я, душегуб, кажется, я умираю, – простонала она, обмякнув, словно тряпичная кукла, в его руках. – Где, где, моя любимая песцовая шуба и муфта? Унесли, забрали, злодеи... В чем же я буду ходить, совсем обнищала, не в чем на

люди показаться, а зима не за горами. Замерзну, околею на лютом морозе. Никто меня не любит, не жалеет...

– Не рви сердце, душечка, побереги нервы, у тебя же есть нутриевая шуба.

– Ее моль трахнула, – еще сильнее разрыдалась жена. – Что я какая-нибудь бомжа, нищенка, чтобы в облезлой, вышедшей из моды, шубе ходить. Ее даже шубой стыдно, неприлично назвать. Всем понятно, что из шкур водяных крыс...

– Накопим валюту и справим новую, – утешал он Еву, ласково глядя по голове и чувствуя сладостные ощущения близости минувшей ночи..

– На какие гроши, ты купишь норку или соболя? Теперь мы – нищие, убогие смерды, – охладила она его пыл, и Матвей понурил голову. – Ты, только ты виноват! Сколько раз я просила, умоляла, чтобы установил на окна прочные решетки, а в квартире охранную сигнализацию? Как об стенку горохом. Пожадничал на триста долларов, а потерял тысячи. Умные люди недаром говорят, что скупой дважды платит. После ограбления жить не хочется...

– Ну, что ты, Евочка, упокойся, не бери дурное в голову. У других бывают и больше потери, полное банкротство. Главное, что мы живы, здоровы, а валюта, богатства – дело наживное, – напомнил он. – Конечно, жаль валюты и драгоценностей, столько лет копили, недоедали. Оружие тоже стоит денег. Может милиция найдет грабителей и возвратит, хотя

бы часть похищенной валюты и драгоценностей?

– Надейся и жди, – вздохнула она. – Это только в книгах и фильмах для наивных простаков среди следователей одни герои, а в реальной жизни преступники выходят сухими из воды. Ох, Мотя, что делать, куда податься от такой жуткой трагедии?

Обхватив голову руками, безутешная Ева металась из угла в угол и, словно взывая к милосердию, увещевала:

– Только немного на ноги встали, почувствовали себя белыми людьми, появился достаток и опять нищета. Лишний бокал вина не выпила, шоколадку и мармеладку не съела. Во всем себе отказывала, копила копеечку к копеечке, чтобы жить, как белые люди, в роскоши и достатке. Голова кругом идет, помутнение рассудка, хоть бросайся под колеса или в петлю от страданий...

– Евочка, оставь глупые мысли, а то, не дай Бог, свихнешься или руки на себя наложишь. Не приведи, Господь! Надо бы тебя психиатру показать, чтобы успокоительное прописал, настойку пустырника или валерьяны?

– Эх, Мотя, чувствую, что наша любовная лодка разобьется о суровый быт, не выдержит таких жестоких испытаний?

– Выдержит! Горе людей сближает и закаляет, – напомнил он.

Озерская, не вмешиваясь, с интересом, вслушиваясь в диалог, наблюдала за этой трогательной, словно в театре, сценой. Ей хотелось убедиться, что это не игра, а искренние

отношения супружеской четы.

«Впрочем, чему удивляться, ведь в каждой женщине задатки актрисы. Тем более что есть повод для их проявления. Ева его максимально использовала. Пожалуй, любая женщина, оказавшись в ее ситуации, повела бы себя таким образом, – подумала следователь. – Насчет любовной лодки она напомнила не случайно. Очевидно, после этого печального события не связывает свое будущее с супругом, раздумывает над вариантами. Возможно, это тот случай, когда говорят, какая грустная жена не мечтает стать веселой вдовой. Не буду форсировать события, не исключено, что загадка таится в характере их отношений».

– Ева, Евочка – сладкая моя девочка, – Черпак по инерции продолжал ее утешать. – Прости своего неразумного Мотю. Ну, погорячился, с кем не бывает. Переживем мы это горе. Ты же не знала, что так получится, поэтому я тебя ни в чем не обвиняю. Правильно говорят, если бы знал, где упадешь, то и соломки бы постелил.

– Ева Марковна, вы составили перечень похищенных вещей? – прервала общение супругов следователь. – Не отвлекайтесь от текущих дел, оставьте эмоции на потом...

– Нет, не успела, – ответила Ева, освобождаясь от объятий Матвея.

– Тогда запишите песцовую шубу, муфту и укажите их стоимость, – велела Озерская. – Внимательно проверьте, может, и другие вещи исчезли. Не вздумайте написать лишнее.

Есть такие особы, что сознательно завышают ущерб. Пока Ева Марковна будет заниматься описью похищенных вещей и предметов, мы с вами, Матвей Елисеевич, продолжим беседу.

4. Оригинальная версия

– Госпожа следователь, потом продолжите беседу с Мотей, никуда он не денется. Сначала я с вами поговорю наедине, как женщина с женщиной, – жестом руки Ева остановила Озерскую. – Надеюсь, что мы поймем друг друга, а мужики – тугодумы, прямолинейны, как штык. С ними каши не сваришь.

– Для объективности расследования половая принадлежность не имеет значения, – отметила Ольга Васильевна. – Говорите, надеюсь, что от супруга у вас нет секретов?

– Когда разговаривают женщины, то мужчине не прилично с глупым видом мозолить глаза, – возразила Ева. – Это все равно, что подсматривать за голыми женщинами в бане. Мотя не отравляй настроение, веди себя этично, как подобает аристократу. Поди с глаз, покури за дверью.

Пристыженный Черпак ретировался, женщины остались наедине. Ева доверчиво, как давней подруге, сообщила:

– Мотя лишь на первый взгляд прост, как сибирский валенок. Однако себе на уме, валюту копит на перспективу, строит тайные планы.

– Значит, между вами нет доверия, не делитесь планами? – спросила майор.

– Я охотно делюсь, а он скрытный, как будто агент. Думаю,

что кража в квартире не обошлась без его участия. В этом деле замешана и его любовница Регина Меженина. Максимально попользовался мною и теперь решил поменять на более молодую секс-партнершу для обновления крови. Имейте в виду, что такая незавидная участь ждет почти каждую честную и слишком доверчивую женщину. И следовательно не является исключением.

– Ева Марковна, обо мне не беспокойтесь, ближе к делу, – велела Озерская и заметила. – Ваша версия построена на эмоциях, а где веские аргументы и доказательства?

– Есть аргументы и доказательства, – уверенно заявила Черпак. – Мотя создал идеальные условия для кражи. Во-первых, неожиданно приобрел путевки для отдыха в пансионате на берегу Азовского моря, чтобы находиться поближе к квартире и контролировать ход операции. Во-вторых, он доверил ключи от квартиры не пенсионерке Тукай, которая, как вдова чекиста со сталинской закалкой, глаз бы с нее не спускала, а своей любовнице. Однако в ту ночь Регина в квартире не ночевала. Наверняка знала, что нагрянут грабители. Как следует, ее допросите, чтобы не отвертелась, а выложила все, как на духу. Узнайте, с кем она провела ночь?

– Это ее личное дело, с кем и когда спать, – сказала Ольга Васильевна. – если у Межениной были ключи и она причастна к краже, то у грабителей проникли бы в квартиру через входную дверь. Отпала бы необходимость распила решетки на окне и выноса через него сейфа. Что вы на это скажите?

– Госпожа следователь, Мотя и Регина не глупые, все предусмотрели и просчитали, – произнесла Ева. Если бы грабители открыли дверь ключом, то подозрение сразу бы легло на Регину и Мотю. Чтобы сделать такой вывод, не обязательно быть следователем. То, что грабители вломились через окно, как раз и отвело от организаторов подозрение. Они не только меня, но и вас надули.

– Никто меня не надул и не надует, если я сама этого не захочу, – усмехнулась Озерская. – Когда преступление не очевидно, нарушитель не взят с поличным, то у меня в оперативно разработанке несколько версий, что уменьшает вероятность ошибки.

– Будь я на вашем месте, то акцентировала бы внимание именно на моей версии, – посоветовала Черпак и продолжила выдвигать аргументы. – За месяц до кражи я несколько раз предлагала Моте, чтобы заказал установку централизованной сигнализации, но он пожалел денег. Почему? Чтобы оставить меня у разбитого корыта. Вот уж верно говорят, что от любви до ненависти один шаг. Ольга Васильевна, имейте в виду, что женщина всегда права. Это не гипотеза, а аксиома, не подлежащая доказательству.

Ева вытерла слезы кружевным платочком.

– Не отчаивайтесь, разберемся, – обнадежила ее следователь и польстила. – Весьма приятно, что, несмотря на стресс и потрясение, вы не утратили способность здраво, логически мыслить и трезво оценивать ситуацию.

– Ольга Васильевна, благодарю вас за высокую оценку. Очень жаль, что в свое время я не увлеклась профессией следователя, – посетовала Черпак.

– Учиться никогда не поздно, тем более в вашем зрелом возрасте.

– Если вам удастся задержать преступников и возвратить валюту, драгоценности и вещи, особенно песцовую шубу и муфту, то я в долгу не останусь, щедро отблагодарю, – пообещала Ева.

– Раскрытие преступления – мой служебный долг, – напомнила майор. – презенты, подарки, будь то от потерпевших и виновных, квалифицируются, как взятка должностному лицу и чреваты уголовным наказанием. Даже попытка дачи карается законом.

– Жаль, ведь подарок бывает от чистого сердца, как знак уважения и благодарности за высокий профессионализм, – промолвила Черпак, однако довольная тем, что не придется тратить на ювелирное изделие, французские души или косметику.

– Допишите перечень похищенных вещей, – велела Озерская, оставив Еву наедине с ручкой и бумагой.

– В чем вы обвиняли свою жену? – задала она ему неожиданный вопрос, как только расположились в креслах. Увидела, как мужчина смутился, замешкался, не зная, что делать с руками. Пригладил широкой ладонью седеющие волосы.

– Понимаете, это личное, интимное, я не хотел бы, чтобы

оно попало в протокол, стало предметом насмешек, – взволновался он, кровь прилила к щепам, опустил голову.

– Для следствия не должно быть никаких тайн, – строго с бронзой в голосе изрекла Ольга Васильевна. – Путь к истине, к раскрытию преступления тернист, но его надо достойно пройти. Так в чем вина Евы Марковны с вашей точки зрения?

– Кражи, может, не произошло, если бы я вчера вечером приехал домой, – произнес он смущенно. – Но понимаете, Ева молодая, горячая, на двадцать три года моложе меня и, когда мы возвратились с пляжа, ей очень захотелось. Мои планы рухнули, мы всю ночь с ней занимались любовью. Она ведь не могла знать, что случится кража, а я сгоряча ее обидел?

– Не смущайтесь, в этом нет ничего предосудительного, вы ведь спали со своей женой, а не с любовницей, – слегка улыбнулась Озерская. – Хотя для некоторых мужчин любовницы предпочтительнее жен. Весь вопрос в силе, искренности чувств, а официальный брак – анахронизм, пережиток прошлого. Красивый секс является самым ярким проявлением чистой и искренней любви и гармонии. Без него жизнь ущербна, скучна и утомительна. Семья тогда крепка, когда держится на настоящей любви, а не на жалости и повинности.

– Вот и моя Ева так считает, ее мнение дорогого стоит, – оживился приунывший Черпак.

В дверях появилась Ева с опухшими от слез веками и припудренными щеками. Подала следователю лист бумаги, исписанным мелким аккуратным почерком. Женщина все еще была напряжена, словно туго сжатая пружина. Конфликт между супругами мог возобновиться.

– Матвей Елисеевич, почему вы хранили деньги в сейфе, а не в банке? – спросила майор, только бы не дать им схлестнуться.

– Ха-ха, дураков нет, – усмехнулся он. – Я нашей банковской системе не доверяю. Вы ведь отлично знаете, что случилось с такими банками, как «Славянский», «Градобанк» и другими. Обанкротились, лопнули, как мыльный пузырь. А сколько других финансовых пирамид и страховых компаний, обобравших доверчивых и наивных граждан, клюнувших на обещания больших процентов, рухнуло?

Аферисты хорошо погрели и продолжают греть руки на азартных простакках. Хозяин любого коммерческого банка может в любой, удобный для него момент, перевести, перекачать средства вкладчиков на свой валютный счет за кордон и потихоньку слинять, как это сделали Мавроди и ему подобные аферисты. Дикий капитализм, жестокие нравы. Поэтому я держал сейф в доме, но и сюда злодеи добрались. Понадеялся на решетку, а она оказалась ненадежной, хилой.

– Вам крупно не повезло, – посочувствовала Ольга Васильевна. – Но не отчаивайтесь, исходите из принципа: не знаешь, где потеряешь, а где найдешь. Сбережения ваши не ис-

парились ведь в воздухе?

– Нам от этого какая польза? Ни на грош, как с козла молока, – с недоумением произнесла Ева.

– Для вас это испытание на прочность семьи, на верность взаимных чувств, – подчеркнула следователь. – И, пожалуйста, не ссорьтесь, не враждуйте, чтобы не пришлось возбуждать еще одно уголовное дело по факту семейного скандала и нанесения травм и увечий. Будьте благоразумны.

– Ольга Васильевна, следователям милиции, прокуратуры и других карательных органов полезно было бы заняться банкирами-аферистами, – неожиданно предложил Черпак.

– Не карательных, а предохранительных органов, – поправила майор.

– Хрен редьки не слаще, – парировал Матвей Елисеевич. – Ведь милиция не только охраняет, но и карает нарушителей.

– Приговоры выносит суд.

– По материалам уголовного дела, вашим обвинительным заключениям, – напомнил Черпак. – Под какую статью УК подведете, так тому и быть. Суды лишь в редких случаях выносят оправдательные решения, в основном идут на поводу у следователей. Так вот, если бы вы взяли за жабры банкиров-аферистов, навели порядок в банковской системе, то я бы хранил сбережения не дома, а в банке и тогда бы кражи сейфа не произошло. Отчасти и милиция виновата в том, что люди не доверяют банкам, страховым компаниям и прочим «пирамидам»...

– Если следовать вашей логике, то милиция виновата во всех грехах, – произнесла Озерская. – Издержки политической системы, ни я, ни вы не в силах повлиять на ее совершенствование. Это прерогатива президента и высшего законодательного органа страны. Если на то пошло, то я вправе узнать об источниках накопления ваших сбережений. Ваша супруга не работает, а на одну вашу зарплату много не скопишь ни валюты и ювелирных изделий.

– Я занимаюсь бизнесом.

– Каким именно бизнесом?

– Коммерческая тайна.

– Для следствия не может быть тайн.

– А у меня они есть, – хмуро отозвался Черпак. – Вы же не спрашиваете у своего генерала о его богатствах?

– У генерала высокая зарплата и нет в квартире сейфа.

– Так я и поверил, – усмехнулся он.

– Матвей Елисеевич, может, сейф у вас изъяли за долги или за невыполнение

каких-либо обязательств перед партнерами? – предположила Ольга Васильевна.

– Нет у меня долгов и обязательств. Сам не беру кредитов и другим не выдаю. Поэтому эта версия абсурдна. Тем более что угроз и шантажа не было.

Глядя на следователя, Черпак с досадой подумал: «Смазливая бабенка, ровесница моей Евы. Опыта маловато, интуицией, наверняка, не блещет, лишь избыток амбиций. Со-

всем милиция оскудела на профессионалов. Многие опытные офицеры подались в адвокаты, в нотариусы, в частные агентства охраны и недвижимости, где зарплаты и левые доходы намного больше. Матерых следователей не осталось. Эх, плакали мои денежки, пистолет ПМ драгоценности. С этой красавицей в погонах каши не сварить. Только время впустую потеряю». Но все же, ради приличия, поинтересовался:

– Товарищ майор, каковы перспективы раскрытия кражи?

– Злодеев рано или поздно мы найдем, – пообещала она.

– Вы в этом уверены? – Ева вскинула на нее печальный взор, вытирая кружевным платочком бисеринки слез.

– Конечно, – ободряюще улыбнулась Озерская. – И помните – не в деньгах счастье.

– А в чем? – встрепелась Ева и сама же ответила. – Я считаю, что в их количестве? Ведь богатый капитал дает власть, любовь, славу и другие материальные блага.

– В любви, – сдержанно улыбнулась майор.

– Вот и я Моте постоянно внушаю эту простую истину. А ему, как по стенке горохом, – призналась, немного повеселевшая женщина. На этой оптимистической ноте они расстались.

5. Тактика следствия

– Итак, уважаемые коллеги, – Ольга Васильевна оглядела членов следственно-оперативной группы капитана Коржа, лейтенанта Гарича и старшину Потужного дружелюбным взглядом. – Я пригласила вас, чтобы обсудить ход следствия и наиболее вероятные версии преступления, его мотивы. В ночь, когда над нашим городом отгремел праздничный фейерверк в честь независимости, кто-то и не один, сделал себе царский подарок – из квартиры супругов Черпак был похищен сейф с валютой, драгоценностями и пистолетом, а также песцовая шуба и муфта...

– Bravo-o, bravo-o, товарищ майор! Вы претендуете на лавры Агаты Кристи или Конан Дойля, – заплодировал эксперт-криминалист. – Великолепное, интригующее начало для захватывающего детектива. Вам бы вместо пистолета перо в руки, то многих из авторов крутых детективов, легко бы заткнули за пояс. Вот что значит профессиональный подход, милицейская хватка.

– Уймись, Виталий Федорович, не преувеличивайте. Вы, как всегда, с приколами, – улыбнулась польщенная Озерская. – Мастеров детективного жанра и без меня хватает, а вот разыскать и задержать злоумышленников, похитивших сейф и пистолет – это дело служебного долга и професси-

ональной чести. Детективы будем писать, когда выйдем на пенсию, если до того времени бандитская пуля или финка не оборвут жизни, а пока есть дела важнее.

Начальство не дает покоя, торопит, да и сроки по УПК поджимают. Какие будут версии, соображения, идеи? Прошу выкладывать. Одна голова хорошо, а четыре все-таки лучше. Кто первый? Может вы, Виталий Федорович, зададите деловой тон?

– Ольга Васильевна, вы его уже сами задали, – отозвался капитан. – По моей версии в краже участвовали два-три человека и обязательно один из них водитель с автотранспортом. От самого сейфа, открыв его с помощью автогена, подбором ключей, выбрав содержимое, постараются избавиться, как от улики. Но поскольку он изготовлен из высоколегированной стали, представляет ценность, попытаются сдать в один из пунктов приема металлолома. Скорее всего, в пункт, действующий нелегально.

– Они что же, по-твоему, дилетанты? – заметила майор. – Ведь это связано с большим риском.

– Нет, конечно, не сами, а тот, кто обнаружит выпотрошенный и выброшенный сейф, – пояснил Виталий Федорович. – Сейчас столько бомжей, безработных и подростков промышляют на сдаче металлолома и похищенного оборудования, станков... А песцовую шубу и муфту лучше всего отслеживать в коммерческих магазинах или на стихийных блошиных барахолках.

– Логично, а как насчет отпечатков?

– Глухо, как в танке. Очевидно, работали в перчатках, – предположил капитан. – Те «пальчики», что обнаружены, принадлежат Черпакам и Межениной. Но с этими все ясно, они пострадавшие.

– Денис, что скажешь? – обратилась следователь к Гаричу.

– Очень уж гладко все получилось, – произнес тот. – И это вызывает подозрения и сомнения. Может, и не было реальной кражи, а Черпаки ее инсценировали. Подговорили друзей и те вывезли сейф, еще и шубу с муфтой прихватили. Теперь где-нибудь в укромном месте пьют коньяк, красной и черной икрой закусывают и над нами, «знатоками», потешаются.

– Да, оригинальная версия, – снисходительно улыбнулась Озерская. – Но какой резон Черпакам устраивать спектакль?

– Чтобы получить страховку за похищенные ценности и имущество. От нас им нужна только справка о сумме ущерба для предоставления в страховую кампанию.

– Нет, это невозможно. Страхуют ведь жизнь, имущество, все то, что страховой агент может визуально оценить, но содержание сейфа? Это все равно, что покупать кота в мешке. Ведь его содержимое неизвестно. Этот способ мошенничества довольно примитивный.

– Как знаете, у вас богатый опыт, – произнес лейтенант.

– Ты, Денис не падай духом, а все же поинтересуйся у Черпаков, было ли застраховано их имущество.

– Уже поинтересовался, – улыбнулся он. – Застраховано.

– Тогда тебе и карты в руки. Займись отработкой этой версии, – велела следователь и обратила свой взор на кинолога.

– У тебя, Георгий, какие новости?

– Альфа взяла след, но на проезжей части он оборвался.

Виталий Федорович прав, похитители использовали транспорт. Такой тяжелый сейф без колес далеко не унести, – ответил Потужный.

– Тогда давайте рассмотрим знакомых нам граждан на предмет их причастности к преступлению, – предложила Озерская. – Что вы думаете по поводу Лидии Самойловны?

– Эта древняя бабушка? Она же едва ноги волочит, на ладан дышит, – усмехнулся Гарич. – К тому же слишком языкастая, сварливая старуха. Только недоумки могут ее в такое дело втянуть. Она вне подозрений.

– Вне подозрений только жена Цезаря, – напомнила изречение майор. – Нынче среди немощных бабуль есть довольно хитрые и ушлые особы. Как говорится, голь на выдумку хитра.

Старушки шибко бдительные, все слышат и знают, почитай «мозговой центр», находка для преступника. Конечно, Тукай могла дать вора́м наводку за мзду. Вызывает подозрение и тот факт, что в милицию, заслышав шум и голоса за окном в соседней квартире, она сообщила с опозданием почти на пять часов. За это время преступники, если они иногородние гастролеры, могли бы уехать. А, если местные, то

надежно спрятать концы в воду. Ее объяснения, насчет болезни и подростков неубедительны.

Поэтому, кроме проверки версии о страховке, побеседуй Денис и с гражданкой Тукай. Может, по своей старческой оплошности она проговорится. И запомните коллеги, зарубите себе на носу, любой факт мы должны постоянно подвергать сомнению, подкреплять железными доказательствами. Ведь всякое сомнение трактуется в пользу обвиняемого.

– Так точно, товарищ майор, – с унылым видом согласился лейтенант. – Лидия Самойловна своими хроническими жалобами на собачью жизнь, жалкую пенсию возьмет нас измором.

– Ничего, ты молодой, закаленный, выдержишь, – обнадежила Ольга Васильевна. – Учись разговаривать с людьми разного возраста, характера, темперамента и извлекать ценную для следствия информацию.

С первых минут бери инициативу в свои руки, чтобы она четко отвечала на конкретные вопросы, а не уводила диалог в сторону. А то старушки любят поговорить о том, о чем душа болит. Итак, с Лидией Самойловной решили, но у нас есть еще одна персона Регина Юрьевна Меженина. Ею займетесь вы, Виталий Федорович.

– Я не против, всегда готов, – улыбнулся капитан.

– Но смотрите, чтобы без глупостей. Не забывайте, что на службе при исполнении долга, поэтому никаких вольностей и любезностей, – предупредила Озерская. – Мне она показана

лась беспечной, легкомысленной, слишком помешенной на развлечениях, гулянках-пьянках.

– Не вижу в этом криминала, – усмехнулся Корж. – Муж в плавании, добывает рыбу, вот она и страдает от неутоленной страсти, плоть ведь требует разрядки. Регина – женщина симпатичная, в расцвете сил. Может с этой стороны и следует подобрать к ней ключик? Разговорить, расслабить, получить чистосердечное признание.

– Сделать ее супруга рогоносцем, – спрогнозировала следователь.

– Это, как получится, – усмехнулся эксперт-криминалист. – Но предполагаю, что у него и без моего участия ветвистые рога, как у оленя.

– Получится, Виталий Федорович, что вы на женщин действуете магически. Через год уйдете в запас и тогда развернетесь.

– Спасибо за комплимент, товарищ майор.

– Но вы, капитан, не слишком обольщайтесь. Регина не так проста, как может показаться на первый взгляд, – предупредила Озерская. – Во-первых, судя по положению в доме и планировке квартиры, она не могла ночью не слышать шума и голосов в квартире Черпаков. Ведь, когда срывали сейф с фундамента, то без грохота не обошлось, но на это она не отреагировала. Почему? Со слухом проблема, заложило ей уши?

– Может, она дома не ночевала, – возразил Корж.

– Вот и проверьте, уточните факт, опросите соседей, – велела Ольга Васильевна. – Во-вторых, ничто не мешало ей остаться на ночлег в квартире Черпаков. Значит, одно из двух: либо она знала о готовившемся преступлении, либо это совпадение? В общем, у вас широкое поле деятельности, но чтобы без скандалов и последствий. Заодно поручаю вам служебное задание.

– Интересное, какое?

– Следует подтвердить или опровергнуть версию Евы Марковны о том, что у Матвея Елисеевича бурный роман с Региной и на этой почве они организовали кражу.

– Предлагаете выяснить, спариваются ли они?

– Эх, капитан, прямолинейный, как штык, – упрекнула Ольга Васильевна. – Никто не предлагает устраивать засаду у них под кроватью и производить съемку скрытой видеокамерой. Степень отношений можно определить по внешним признакам. Если Черпак приглашает Меженину на свидания, в ресторан, кафе или в музей, то понятное дело, что они себе не отказывают и в прочих удовольствиях, в том числе и в плотских. Матвей Елисеевич не похож на альтруиста. Не станет угощать даму ради спортивного интереса. Как говорят, кто даму угощает, тот ее и танцует. Тем более, что у Черпак размолвка с Евой и постарается найти партнершу на стороне. Регина для этой функции вполне подходящая дама. Они давно вышли из юного школьного возраста, чтобы утешаться невинными поцелуями и любовными записками.

– Ольга Васильевна, отстали вы от жизни, – с иронией произнес Гарич.

– В каком смысле? – спросила Озерская.

– В век Интернета, смартфонов, айфонов и прочих гаджетов школьники и студенты искушены не только в нанотехнологиях, но и в сексе, – сообщил Денис. – Ныне среди старшеклассниц девственница считается белой вороной. Некоторые еще до совершеннолетия успевают забеременеть. Молодежь быстро созревает, торопиться вкусить запретные плоды любви. К сожалению, время скромных тургеневских барышень кануло в Лету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.